

Дея Миллер

Эверстон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дея Миллер

ЭверМор

«Автор»

2026

Миллер Д.

ЭверМор / Д. Миллер — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Билли Кросс привыкла к переездам. Но Эвермор – маленький город, затерянный среди дождливых лесов, – с самого начала кажется другим. Здесь исчезают люди. В лесу находят тела. А те, кого Билли встречает в новой школе, хранят слишком много секретов. Чем дольше она остаётся в Эверморе, тем яснее понимает: в этом городе опасность не всегда прячется в темноте. Иногда она улыбается тебе. Садится рядом за школьную парту. И выглядит совершенно как человек.

© Миллер Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Второе правило	5
Лес молчит	15
Первое впечатление	23
* * *	34
Чу	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дея Миллер ЭверМор

Второе правило

В семье Кросс существовало два правила.

Первое – не оставлять вещи в коробках дольше недели.

Его придумала Кэтрин. Она считала, что дом не появляется сам по себе. Можно месяцами жить в новой квартире, но если одежда так и лежит в чемодане, а любимая кружка не покидает картонную коробку– это не дом. Это место, где ты ночуешь. Стоит разобрать вещи, открыть окна и провести один нормальный вечер– стены начинают привыкать к тебе. А ты к ним.

Каким бы поздним ни был переезд, Кэтрин разбирала всё в тот же вечер. Иногда Билли просыпалась среди ночи от тихого звона посуды на кухне или щелчка закрывающегося шкафа. К утру новый дом выглядел так, словно они жили здесь давно.

Билли никогда не была уверена, что это действительно работает.

Зато мама была уверена всегда.

Второе правило появилось позже. Его никто не придумывал и не произносил вслух. Оно выросло из одного-единственного слова, которое Кэтрин повторяла всякий раз, когда дочь спрашивала, сколько они пробудут на новом месте.

Посмотрим.

Когда Билли было восемь, этот ответ её успокаивал. В двенадцать– начал раздражать. К пятнадцати она поняла, что мама не уходит от разговора. Она действительно не знала.

И тогда Билли перестала спрашивать.

За семнадцать лет они сменили столько однотипных городков, что в голове у Билли всё спеклось в одну серую, размытую полосу. Названия улиц и дорожные указатели вымывались первыми. Зато память наглухо фиксировала места через запахи– отчётливые, слоистые и никогда не повторяющиеся. Возьми два маленьких, совершенно неотличимых друг от друга городка где-нибудь на Среднем Западе: те же сетевые закусочные вдоль шоссе, те же низкие тучи, тот же мокрый асфальт. Для любого проезжего они слились бы в один безымянный пейзаж. Но Билли их никогда не путала. Один пах застойной речной сыростью, жжёным дизелем и горьким дымом от местного целлюлозного комбината. Другой– прелой сосновой хвоей, старым вытопленным жиром из придорожного гриля и мокрой угольной пылью, которую ветер приносил с сортировочной станции. Память держалась не на адресах, а на этих мелких зацепках. Третья ступенька на крыльце пахла сырым толем и трухой. Соседский лабрадор, каждое утро гонявшийся за почтовой машиной, приносил на шерсти горький дух стоячего пруда и дешёвого псиного шампуня. Никакого волшебства в этом не было– просто чуть более чуткий нос и привычка цепляться за физиологические детали, когда больше цепляться не за что. Но у такой восприимчивости хватало и дрянных сторон. В душных школьных коридорах от плотной смеси дешёвого парфюма, влажной шерсти и перегретого фастфуда у Билли быстро начинала теснить грудь и глухо сучать мигрень в висках.

Но настоящим испытанием становились весна и конец лета.

В апреле, когда воздух набухал первой клейкой зеленью, и в августе, когда сухие пустыри исходили пылью амброзии и полыни, обоняние Билли превращалось в ловушку. Носоглотку сушило и зудело так, словно туда засыпали мелкую стеклянную пыль, веки наливались тяжестью, а глаза непрерывно слезились. В эти месяцы она буквально жила на сильных антигиста-

минных. Таблетки глушили реакцию, но оставляли во рту сухой, меловый привкус и заволакивали восприятие ватной, сумеречной пеленой. Это была плохая сделка, но иначе дышать становилось нечем. Впрочем, в этой вынужденной обонятельной глухоте был свой плюшевый уют. Когда медикаменты приглушали запахи, окружающий мир ненадолго становился плоским и безопасным— в нём было проще в очередной раз собирать вещи и погружать коробки в багажник.

Всё исчезало из жизни Билли быстрее, чем ей хотелось бы.

Наверное, так бывает, когда твоя мать— агент ФБР.

Преступления редко происходят вовремя. Им безразлично, закончился ли учебный год и успел ли кто-то привыкнуть к новому дому. Работа всегда оказывалась сильнее планов. Не потому, что Кэтрин любила её больше дочери. Просто она выбрала профессию, которая не умеет ждать.

Иногда Билли хотелось, чтобы хоть один раз всё сложилось иначе.

Но такие мысли всегда заканчивались одинаково.

Новыми коробками.

— Опять смотришь на часы?

Билли повернула голову. Кэтрин не отрывала взгляда от дороги, но каким-то образом всё равно заметила движение дочери.

— Не смотрю.

— Билли.

Она невольно улыбнулась.

— Хорошо. Смотрю.

Кэтрин тихо усмехнулась.

— Ты начинаешь считать минуты каждый раз, когда нервничаешь.

— Я не нервничаю.

— Тогда зачем тебе каждые пять минут знать, который час?

Билли не нашлась с ответом и перевела взгляд на лобовое стекло. Дворники размеренно сдвигали мелкий дождь. За стеклом тянулся лес— мокрые ели, заросли папоротника у обочины и ровный серый свет, в котором невозможно было понять, приближается вечер или день просто решил не становиться светлее. Дорога плавно изгибалась между деревьями, и редкие дорожные знаки появлялись так неожиданно, словно их ставили не для водителей, а просто чтобы напомнить: где-то впереди ещё живут люди. За последний час им встретились всего три машины.

— Мне кажется, или здесь вообще никто не живёт?— спросила Билли.

— Живут.

— Тогда где все?

— Рабочий день.

Билли не стала спорить. Дело было не в людях. Дорога казалась слишком пустой для места, рядом с которым должен находиться город. Ни заправок, ни придорожных кафе, ни рекламных щитов. Только деревья. Иногда лес ненадолго расступался, открывая заросшие поляны, но уже через несколько секунд стволы смыкались снова.

Мама молчала.

Не так, как обычно молчат уставшие люди. Иначе. Пальцы лежали на руле слишком ровно. Обе руки. Обычно она вела одной, а второй переключала радио или тянулась за стаканом кофе. Сейчас обе оставались на месте.

Билли заметила это, но сделала вид, что нет.

— Ты сегодня необычно тихая,— сказала Кэтрин.

— Обычно ты жалуешься на обратное.

— Поэтому и заметила.

Голос прозвучал спокойно, но Билли слишком хорошо знала мать. Это был не случайный разговор. Кэтрин подбиралась к чему-то.

Несколько секунд обе молчали.

Потом мама негромко произнесла:

– Я хочу, чтобы ты кое-что знала до нашего приезда.

Билли повернулась к ней.

– Мы переехали сюда не только из-за работы.

Она насторожилась. Работа всегда была единственной причиной. Каждый переезд, который она помнила, начинался одинаково: новый отдел, новое расследование, новый город. Других объяснений не существовало.

– Тогда из-за чего?

Кэтрин медленно выдохнула.

– В Эверморе сейчас идёт расследование. За последние восемь месяцев здесь погибли четыре человека.

Билли перестала смотреть в окно.

Четыре смерти в Нью-Йорке стали бы короткой строчкой в вечерних новостях. Для маленького города, где жители наверняка знают друг друга по именам, – совсем другая история.

– Несчастные случаи?

Кэтрин едва заметно качнула головой.

– Официально – возможно.

– А неофициально?

Тишина.

Билли давно научилась читать эту тишину. Когда мама не хотела врать, но не могла сказать правду, она просто ничего не отвечала.

– Что между ними общего? – спросила Билли.

– Пока мало. Все произошло в окрестностях леса.

Билли машинально посмотрела за окно. Те же мокрые ели. Тот же папоротник. Тот же лес, мимо которого они ехали уже целый час. Только теперь он выглядел немного иначе.

– Есть ещё кое-что, – сказала Кэтрин.

Она помедлила.

– Две недели назад пропала девочка. Девять лет.

Слова повисли в воздухе между ними.

Билли ничего не ответила. Она смотрела на мокрые стволы, проплывающие за стеклом, и пыталась совместить два образа: тихий маленький город, куда они переезжали, и то, что мама только что рассказала. Образы не совмещались.

– Именно поэтому нас сюда направили, – тихо добавила Кэтрин.

И снова замолчала. Руки по-прежнему неподвижно лежали на руле. Дворники продолжали отсчитывать ритм. Дождь не усиливался и не прекращался, словно тоже не мог решить, чего ждать от этого места.

Билли откинулась на спинку сиденья. Ей хотелось задать ещё десяток вопросов. Кто эти люди? Как они погибли? Нашли ли хоть что-нибудь? Но она видела, как мама сжала губы после последней фразы, и поняла – на сегодня это всё. Остальное Кэтрин расскажет тогда, когда сама будет готова.

Или не расскажет вовсе.

Некоторое время они ехали молча. Билли машинально повернула ручку радио. Из динамиков донеслось шипение. На секунду прорвалась чья-то песня, но тут же утонула в помехах.

Она выключила звук.

– После поворота станции почти не ловят, – сказала Кэтрин.

– Это я уже поняла.

Лес за окном не менялся. Но теперь Билли смотрела на него по-другому.

Кэтрин затормозила резко.

Билли качнулась вперёд. Ремень безопасности впился в плечо, и она машинально упёрлась ладонью в приборную панель.

– Что?..

Мама не ответила. Она смотрела на дорогу.

Билли проследила за её взглядом. Впереди, прямо посреди мокрого асфальта, лежал олень. Крупный. Даже на расстоянии было видно, что он мёртв. Голова неестественно вывернута набок, передние ноги подогнуты под туловище, будто он пытался встать и не успел.

Кэтрин выключила двигатель.

– Сиди здесь.

Она вышла из машины. Дверь закрылась мягко, почти без звука. Через лобовое стекло Билли видела, как мама медленно подходит к туше, останавливается в нескольких шагах и присаживается на корточки.

Билли досчитала до двенадцати. Потом отстегнула ремень и вышла следом. Вблизи олень казался ещё больше. На боку темнели несколько глубоких ран– слишком ровных для веток и слишком широких для когтей. Дождь уже начал размывать края, но то, что осталось, выглядело так, словно плоть не разорвали, а разрезали. Чем-то очень острым и очень быстрым. Кэтрин услышала шаги дочери, но ничего не сказала. Только коротко глянула через плечо и снова повернулась к оленю. Билли остановилась рядом. Несколько секунд она молча смотрела на тушу. Потом перевела взгляд на асфальт вокруг. И нахмурилась.

– Мам.

– Вижу.

– Если его сбила машина, крови должно быть намного больше.

Кэтрин подняла на неё глаза.

Так мама смотрела, когда кто-то замечал деталь, которую она уже успела отметить.

– Именно.

Билли присела рядом. Асфальт вокруг оленя был почти чистым. Несколько тёмных пятен– не больше. Для животного такого размера, с такими ранами, это не имело смысла. Кровь должна была быть повсюду: под тушей, на дороге, на траве у обочины. Вместо этого– мокрый асфальт и редкие бурые разводы, которые дождь уже почти смыл. Кэтрин поднялась и подошла к обочине. Земля после дождя стала мягкой, местами почти вязкой. Если бы олень выбежал из леса и его сбил автомобиль, остались бы следы торможения. Если бы тушу сюда притащили– следы волочения. Ни того ни другого не было.

– Он просто здесь лежит, – негромко сказала Билли.

Кэтрин ничего не ответила. Она продолжала осматривать обочину, медленно переводя взгляд с травы на кусты, с кустов на ближайшие деревья.

Позади тихо зашуршала фольга.

Кэтрин обернулась.

Билли стояла в нескольких шагах от туши и с совершенно невозмутимым видом ела шоколадный батончик.

Несколько секунд Кэтрин просто смотрела на дочь.

– Билли.

Девушка опустила глаза. Увидела батончик. Моргнула.

– Ой.

Она поморщилась и торопливо сунула «Geronimo» обратно в карман куртки.

– Прости. Я не заметила.

– Ты никогда не замечаешь.

– Это нервное.

Кэтрин медленно потёрла переносицу.

– Когда-нибудь я всё-таки отведу тебя к нормальному психологу.

– Это будет дороже батончиков.

Кэтрин открыла рот, чтобы возразить. Закрыла. Потом тихо выдохнула.

– С этим не поспоришь.

Она вернулась к осмотру, но Билли заметила, что уголок её губ едва заметно дрогнул.

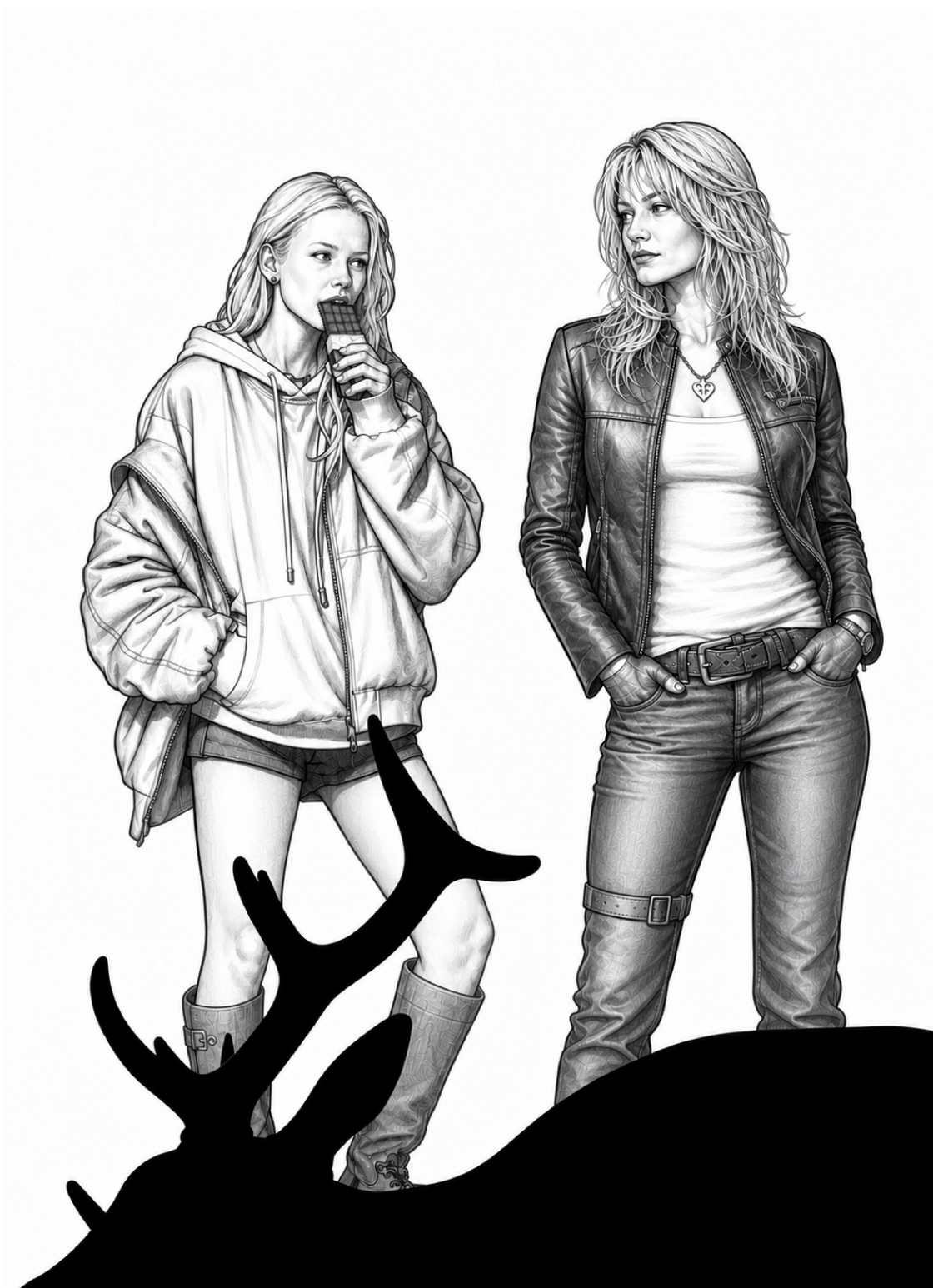
Хорошо. Значит, мама ещё не окончательно в рабочем режиме.

Кэтрин достала из кармана телефон, раскрыла его и посмотрела на экран.

Крышка закрылась с тихим щелчком.

– Связи нет.

– Идеальное место, чтобы заглухнуть,— пробормотала Билли.

Мама не улыбнулась. Она снова смотрела на лес. Не на деревья вообще. На что-то конкретное. Или на место, где что-то конкретное должно было быть. Билли проследила за её взглядом. Мокрые стволы. Папоротник. Густые кусты. Ничего.

– Что?– тихо спросила она.

Кэтрин не сразу ответила.

– Не знаю.

Это было настолько непохоже на маму, что Билли почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось. Кэтрин Кросс всегда что-то знала. Если не ответ – то хотя бы направление. Сейчас в её голосе не было даже этого. Они стояли у обочины в полной тишине. Дождь стекал с еловых ветвей. Капли глухо падали на мокрую траву. Именно это Билли заметила первой. Больше ничего. Ни птиц. Ни шороха в кустах. Ни одного звука, кроме воды и их собственного дыхания. Лес стоял неподвижно, как декорация, в которой забыли включить звук. Кэтрин отступила к самой обочине, где мокрый асфальт сменялся размокшей землёй и пожухлой травой. В нескольких шагах от дороги, у самого подлеска, дёрн был глубоко продавлен. След ботинка. Тяжёлый, с крупным протектором, уходящий прямо в заросли мокрого папоротника. Билли подошла ближе, удерживаясь на сухой полосе покрытия.

– Кто-то ушёл в лес?

Кэтрин не ответила. Она опустила на одно колено, достала из внутреннего кармана складной нож и прозрачный пластиковый пакет. На низкой ветке дикой вишни висел клочок ткани – тёмный, нитяной, тяжело обвисший под каплями дождя. Агент Кросс подцепила нить кончиком лезвия, опустила в пакет и защепнула замок. Движения – отточенные годами работы. Но то, как она поднималась, выдавало крайнюю степень готовности: плечи расправлены, а правая рука бесшумно скользнула под полы куртки, лёгши на рукоять пистолета. Воздух между деревьями казался густым, холодным и тяжёлым от запаха прелой хвои. Дождь почти стих, превратившись в водяную пыль, и каждый звук вокруг стал выверенным и отчётливым. Где-то в глубине подлеска – не дальше тридцати метров от дороги – хрустнула сухая ветка. Коротко. Глухо. Так ломается валежник, когда на него наступают всем весом.

Обе замерли.

Кэтрин плавно повернула голову на звук, не делая лишних движений. Лес ответил плотной, закладывающей уши тишиной. Ни шуршания листвы, ни птичьего переклика.

А затем раздался второй звук.

Он накрыл просеку неожиданно. Это не был обычный звериный вой или крик вспугнутой птицы. Низкий, надорванный, идущий из самой глубины гортани звук висел в воздухе три или четыре секунды – где-то на грани между удушливым человеческим стоном и рыком крупного хищника. Звук завибрировал прямо в грудной клетке Билли, отозвался мелкой дрожью в зубах и заставил горло сжаться от попавшего туда холодного воздуха. Он оборвался так же резко, словно его перерезали. Тишина вернулась мгновенно, но теперь она ощущалась иначе – как натянутый до предела трос.

Звук оборвался. Лес снова замер.

– Волк? – спросила Билли.

– Нет.

Кэтрин ответила сразу. Без паузы. Без раздумий.

– Волков я слышала. Это другое.

Она выждала ещё полсекунды, дав тишине снова сомкнуться над ними, и коротко командовала:

– К машине.

Кэтрин первой пошла к автомобилю. Билли заметила, что мама не повернулась к лесу спиной. Она отступала, продолжая смотреть между деревьями. Билли поймала себя на том, что делает то же самое. Не потому, что увидела что-то в лесу. А потому, что рядом с мамой – человеком, который пятнадцать лет работал с худшим, что могли предложить люди, – она впервые увидела не сосредоточенность, а осторожность.

Они сели в машину одновременно. Двери закрылись. Дождь стал тише, приглушённый стеклом и металлом. Кэтрин завела двигатель, и несколько секунд они просто сидели, глядя на мёртвого оленя впереди.

Потом машина медленно тронулась, объезжая тушу.

Мама снова держала руль обеими руками.

Билли не удержалась и обернулась. Олень остался лежать посреди пустой дороги— неподвижный, одинокий, постепенно исчезающий за серой пеленой дождя. Стена елей оборвалась так же внезапно, как началась. Дорога сделала плавный поворот— и между стволами сразу показали деревянные заборы, ровные газоны и покатые крыши. Впереди вырос резной щит с облупившейся краской:

WELCOME TO EVERMOREPOPULATION 4,312

— Четыре тысячи человек,— сказала Билли.— В прошлой школе было почти столько же.

Кэтрин ничего не ответила, но пальцы на руле наконец разжались. Плечи опустились на пару миллиметров— едва заметно, но достаточно, чтобы Билли это увидела.

Эвермор выглядел так, будто его построили полвека назад и с тех пор только подкрашивали. Главная улица уместилась в один взгляд: старая заправка с единственной колонкой, хозяйственная лавка, парикмахерская с вращающимся красно-белым цилиндром, крошечный книжный и закусочная, над которой неровно мигала неоновая вывеска DINER. За окном шла самая обыкновенная жизнь. Пожилой мужчина выгуливал золотистого ретривера. Двое подростков прятались от сырости под навесом закусочной и смеялись слишком громко. Женщина с крыльца кричала вслед девочке, которая ехала на велосипеде без рук. Билли искала на лицах хоть что-то— напряжение, страх, тень того, о чём говорила мать в машине. Ничего. Люди разговаривали, смеялись, несли пакеты. Город был слишком спокойным. Именно это и было сильнее всего. Единственное, что выбивалось,— взгляды. Каждый, мимо кого они проезжали, провожал машину открыто и долго. Не украдкой. Как человек, который знает в лицо всех в радиусе тридцати миль и сразу замечает чужака.

— Вот видишь,— сказала Билли.

— Что?

— Они уже начали. Изучать меня.

Кэтрин улыбнулась краешком губ, не отрывая глаз от дороги.

— Они просто заметили незнакомую машину.

— Именно это я и сказала.

Они проехали короткий центральный перекрёсток и свернули. Справа показалось двухэтажное кирпичное здание школы. На пустой парковке стояли три жёлтых автобуса, над крыльцом лениво колыбался мокрый флаг.

Билли скрестила руки.

— Моя новая жизнь.

— Не спеши с выводами. В прошлый раз ты освоилась за три дня.

— В прошлый раз это была одиннадцатая школа.

— Двенадцатая.

Билли повернула голову.

— Ты всегда говорила— одиннадцать.

— До сегодняшнего дня.

— Нечестно.

— Зато точно.

Билли покачала головой, но уголки губ дрогнули. Такие перепалки были их ритуалом. Пока они существовали, мир за окном мог меняться сколько угодно.

Асфальт сменился гравием. Мелкие камни застучали по днищу. Деревья снова сомкнулись над дорогой тёмным коридором. В самом конце тупика, чуть в стороне от остальных домов, стоял двухэтажный белый дом с тёмно-серой крышей и широким крыльцом. Сразу за узкой полосой двора начиналась глухая стена леса. Кэтрин первой поднялась на крыльцо. Ступени отозвались низким протяжным скрипом. Билли на секунду задержалась, прислушиваясь, но тут же напомнила себе: старые дома всегда скрипят. Ключ повернулся со второй попытки.

Изнутри пахло прохладой, свежей краской и едва уловимым запахом высохшей лаванды. Билли переступила порог и огляделась. Прихожая тесная, лестница на второй этаж почти от самого входа, справа— тёмный проём в гостиную с камином и мебелью под белыми простынями. Кэтрин не задерживалась: прошла вглубь, и через несколько секунд из кухни донёлся щелчок выключателя.

— Не стой на пороге.

Кухня оказалась просторной, с двумя широкими окнами во всю заднюю стену. Кэтрин уже стояла у плиты и наполняла водой старый металлический чайник— тот самый, что пережил с ними не меньше восьми переездов.

— Сначала чай,— сказала она, ставя чайник на конфорку.— Потом вещи.

Билли не стала спорить. Этот маленький ритуал повторялся в каждом новом доме: сначала чайник, потом коробки. Так Кэтрин помечала место как жилое— ещё до того, как распаковывались вещи.

Билли медленно подошла к окну.

За задним двором трава постепенно переходила в густые заросли кустарника, а дальше почти сразу начинался лес. Высокие ели стояли так близко, что казалось, будто они медленно подбираются к самому дому. Между стволами уже собирались ранние сумерки, и темнота там выглядела заметно гуще, чем в городе.

— Он совсем рядом,— произнесла Билли.

Кэтрин подошла к дочери и остановилась рядом.

— Кто?

Билли кивнула в сторону деревьев.

— Лес.

Кэтрин долго смотрела в окно.

— Да.

Её голос прозвучал тише обычного.

— Слишком рядом.

Билли повернулась к матери. За всю дорогу это были первые слова, в которых прозвучало нечто большее, чем усталость.

Она уже собиралась спросить, что именно та имеет в виду...

...как в глубине дома резко зазвонил телефон.

Звонок ворвался в тишину так, будто по стенам прошла трещина. Билли вздрогнула. Кэтрин замерла с кружкой в руке, затем медленно опустила её на столешницу.

— Странно,— негромко сказала она.— Мы ещё не подключали линию.

Она вышла в прихожую. Билли услышала, как мама сняла трубку, коротко произнесла: «Кросс»,— и замолчала.

Из кухни не было слышно слов собеседника— только ровный голос Кэтрин, две короткие паузы и щелчок трубки о базу.

Когда Кэтрин вернулась, она не села. Просто встала в дверном проёме, и чайник за её спиной начал закипать, наполняя кухню шипением пара.

— Чай отменяется.

Билли медленно отодвинула табурет.

— Что случилось?

Кэтрин взяла ключи от машины. Её движения снова стали точными, почти автоматическими.

— Сегодня нашли ещё одно тело.

Воздух в кухне стал гуще.

— Кто?

— Лесник.

Билли не отвела взгляд от окна. Лес за стеклом уже растворился в темноте— только пятна фонарного света на мокрой траве выдавали его границу.

Кэтрин подошла к двери, но остановилась и посмотрела на дочь.

— Куртку. Ты едешь со мной.

Билли не задала ни одного лишнего вопроса. Первое правило— разбирать вещи— сегодня явно отменялось. Второе правило— не спрашивать, надолго ли они здесь,— она тоже не нарушила.

Она натянула куртку, застегнула молнию и вышла вслед за матерью в холодную, пахнущую мокрой хвоей ночь. Уже у машины она в последний раз оглянулась на дом. Тёмные окна смотрели на неё не мигая.

Пожалуйста, —подумала Билли, садясь в салон. —Пусть мы не задержимся здесь надолго.

Лес молчит

К тому времени, как они подъехали к просеке, дождь окончательно превратился в сырую висячую взвесь.

Стволы вековых сосен то и дело вспыхивали пульсирующим красным и синим – мигалки трёх полицейских машин разрезали полумрак, выхватывая из тумана куски мокрой коры. Несколько мощных генераторных прожекторов заливали слепящим белым светом небольшой пятак лесной дороги, создавая иллюзию освещённого островка посреди бескрайней темноты.

Кэтрин затормозила у края оцепления. Помощник шерифа в промокшей форменной куртке наклонился к окну, мельком глянул на предъявленное удостоверение и молча поднял жёлтую сигнальную ленту.

Билли выбралась из машины следом за матерью. Ночной воздух мгновенно накрыл её плотной смесью запахов: хвоя, выхлопные газы от гудящего генератора и размокшая глина. Но под этой привычной лесной сыростью лежал ещё один слой.

Едва ощутимый. Тяжёлый. Металлический.

Запах свежей крови. Билли давно научилась выхватывать его из сотен других – профессиональная деформация ребенка, выросшего в семье оперативника. Она невольно замерла у открытой дверцы.

Кэтрин заметила эту паузу мгновенно.

– Передумала?

– Нет, – Билли поправила воротник куртки, собираясь с мыслями. – Просто вспомнила.

Кэтрин подошла ближе и остановилась напротив. Её взгляд стал собранным и жестким – так она смотрела только на оперативных выездах, полностью отсекая материнскую мягкость.

– Слушай меня внимательно, – произнесла она тихим, но не допускающим возражений тоном. – Ты остаёшься здесь. За сигнальной лентой, у машины. Ни шагу в сторону леса. Ничего не трогаешь, ни во что не вмешиваешься. Если я скажу сесте в салон – сядишь без вопросов.

– Поняла, – ответила Билли.

В её голосе не было привычного желания поспорить. Встреча с мертвым оленем на шоссе окончательно лишила этот вечер любого налёта подросткового бунта.

Кэтрин скупно кивнула:

– Спасибо.

Из слепящего круга прожектора к ним уже направился высокий мужчина в коричневом дождевике с серебряной звездой шерифа на груди. На вид ему было около пятидесяти: глубокие заломы на лбу, проседь на висках и темные круги под глазами, выдававшие хроническую бессонницу.

– Агент Кросс? – он протянул широкую ладонь. – Шериф Дэниел Картер.

– Кэтрин Кросс, – она ответила на рукопожатие. – Это моя дочь, Билли.

Картер на секунду задержал взгляд на Билли, но задавать лишние вопросы не стал – у него явно не оставалось сил на формальности.

– Не самое лучшее знакомство с Эвермором, – сухо произнёс шериф.

– Расследовать дело лучше с самого начала, – ответила Кэтрин. – Введите меня в курс.

Картер повернулся к тёмной стене сосен, где за лентой оцепления бесшумно перемещались фигуры криминалистов.

– Я бы хотел сказать, что это обычное нападение дикого зверя, – произнёс он, и в его голосе проскользнула тяжёлая, застарелая усталость. – Но боюсь, мы оба понимаем: в этом лесу происходит кое-что другое.

Картер подвёл Кэтрин к раскладному металлическому столу, установленному под тентом у капота шерифского пикапа. Сверху на нём лежали несколько прозрачных пакетов для улики.

Билли осталась у жёлтой ленты. Отсюда ей было прекрасно видно и стол, освещённый галогеновой лампой, и тёмную просеку чуть дальше, где над землёй наклонялись фигуры криминалистов.

– Погибшего звали Томас Хейл, – произнёс Картер, пока Кэтрин доставала из кармана латексные перчатки. – Пятьдесят четыре года. В лесной службе Эвермора больше двадцати лет. Этот массив он знал лучше, чем собственный задний двор.

Кэтрин со щелчком натянула перчатки. На столе лежали обычные вещи деревенского лесника: потёртый кожаный бумажник, тяжёлая связка ключей, складной нож, карманный фонарик и небольшой блокнот в промокшей кожаной обложке.

Она начала с ножа. Открыла лезвие – чистое, без следов крови или попыток защититься. Закрыла и отложила. Затем взяла блокнот.

Страницы были исписаны мелким убористым почерком: номера лесных кварталов, отметки о поваленных ветровалом соснах, даты плановых обходов. Обычная рутина. Кэтрин медленно перелистывала листы, пока её палец не замер на одной из последних страниц.

Она вернулась на шаг назад.

– Что там? – Картер наклонился над столом.

Кэтрин молча повернула блокнот к лампе. На почти чистом листе от руки были выведены всего два слова. Карандаш давил на бумагу так сильно, что грифель почти провал её насквозь.

«Опять слышал.»

Чуть ниже стояла отметка времени: 18:43.

– Мы подумали, речь о диких зверях, – осторожно заметил шериф. – Рысь или старый волк-одиночка.

– Лесник с двадцатилетним стажем не станет записывать волка с точностью до минуты, – тихо ответила Кэтрин. Она запечатала блокнот обратно в пакет. – Он фиксировал время. Это протокол наблюдения.

– Вы думаете, он за кем-то следил?

– Или кто-то следил за ним.

Стоявший неподалёку мужчина в промокшей форменной куртке лесничества тяжело выдохнул. Он всё это время сжимал в руках кепку, нервно перебирая пальцами её отсыревший козырек.

– Том говорил об этом последние три недели, – подал он голос.

Кэтрин мгновенно обернулась к нему:

– Вы работали с Хейлом?

– Уолтер Бриггс, – мужчина сделал шаг к столу. – Напарник Тома. Мы дежурили посменно. Он... он несколько раз упоминал, что в четвертом секторе кто-то есть.

– Человек? – уточнила Кэтрин.

Уолтер неопределенно пожал плечами:

– Он сам не знал. Говорил только, что звуки странные. Не треск веток под тяжестью туши, а шаг. Слишком ровный. Словно кто-то шёл за ним параллельным курсом, держась ровно на той дистанции, где сквозь деревья ничего не разглядеть.

За сигнальной лентой Билли почувствовала, как по коже вдоль позвоночника пробежали мелкие мурашки.

Не «увидел». Не «нашел следы».

Именно **услышал**.

Уолтер Бриггс отошёл от стола с уликами и остановился неподалёку от Билли, у самого края сигнальной ленты. Его пальцы продолжали судорожно мять промокшую ткань кепки, а взгляд был прикован к тёмным стволам за пределами яркого пятна от прожекторов.

Билли прислушалась.

За годы переездов они с Кэтрин жили в самых разных местах – от пригородных посёлков Огайо до глухих уголков Вайоминга. Лес везде звучал по-своему: ночью он обычно полнился постоянным, ровным шорохом. Скрипели переплетённые кроны, в сухой траве суетились мелкие грызуны, где-то вдалеке подавали голос ночные птицы.

Здесь не было ничего.

Если убрать мерный гул генератора, щелчки затворов фотокамер и сдержанный шепотом разговор полицейских, окружающее пространство оказывалось абсолютно пустым. Лес вокруг просеки не просто замер – он ощущался мёртвым.

– Здесь всегда так тихо? – тихо спросила Билли, не поворачивая головы.

Бриггс вздрогнул от её голоса. Он медленно перевёл взгляд на девушку, затем снова посмотрел в темноту между елями.

– Нет, – его голос прозвучал едва слышно. – Месяц назад отсюда ушли олени. Потом пропали птицы. Даже совы больше не кричат. Поначалу мы с Томом думали, что дело в резком похолодании или заморозках. Но лес словно вымер.

– А следы? – спросила Билли. – Вы говорили, что Том что-то находил.

Уолтер тяжело выдохнул, выпустив изо рта облачко белого пара.

– Находил. В глубоких секторах, где нет ни туристских троп, ни просек. Там, куда даже мы с навигаторами заходим раз в сезон.

Он на мгновение замялся, словно всё ещё сомневался, стоит ли говорить это вслух при посторонних.

– Отпечатки ботинок. Обычных тяжелых ботинок. Мы с Томом решили, что это какой-то местный браконьер поставил силки или обустроил лёжку. Поэтому и не стали поднимать шум, хотели сами проверить.

Он замолчал, сглотнув слюну.

– Но браконьеры не заставляют птиц улетать, верно?

Билли не ответила. Ей не нужно было объяснять то, о чём не решался сказать старый лесник. Животные не покидают свои угодья из-за обычного человека с ружьём. Они уходят только тогда, когда в лесу появляется тот, кто находится выше их в пищевой цепи.

Хищник, против которого у природы нет защитных механизмов.

Кэтрин прошла под жёлтой лентой оцепления. Билли осталась снаружи, у капота машины, как и обещала. Отсюда, из-за границы яркого прожекторного пятна, вся сцена просматривалась идеально: залитая белым светом просека, фигуры полицейских и тёмный брезентовый тент на земле.

Судмедэксперт аккуратно отвернул край брезента. Кэтрин опустилась на одно колено, не касаясь размокшей почвы.

Томас Хейл лежал на спине. Зелёная куртка лесной службы была разорвана на груди несколькими длинными продольными полосами. Дождь успел смыть большую часть крови, но ткань вокруг ран оставалась тёмной и тяжёлой.

– Предварительный осмотр, – произнёс эксперт, не снимая капюшона. – Точное время установим на вскрытии, но ориентировочно – между шестью и семью вечера. Причина смерти – мгновенная массивная кровопотеря.

Кэтрин натянула свежие латексные перчатки. Резина со щелчком обтянула запястья. Она не стала сразу осматривать раны на груди. Вместо этого её пальцы осторожно подхватили руку погибшего за рукав.

Она внимательно изучила ладонь, ногти, предплечье. Затем повернула руку и осмотрела вторую.

– Следов борьбы нет, – сказала Кэтрин. Это прозвучало не как вопрос, а как констатация. Харпер, стоявший чуть позади шерифа, нахмурился:

– Может, он не успел? Если хищник выскочил из кустов...

– Нападение крупного зверя никогда не бывает бесшумным или мгновенным, – Кэтрин опустила руку погибшего. – Человек всегда инстинктивно закрывает лицо и грудь. На ладонях остаются рваные порезы, на предплечьях – гематомы, под ногтями – микрочастицы шерсти или кожи нападавшего. У Хейла ладони чистые. На них только лесная грязь.

Она поднялась и взяла у эксперта мощный сфокусированный фонарь. Луч скользнул по размокшей земле вокруг тела.

– Посмотрите на следы.

Шериф Картер подошёл ближе, всматриваясь в почву.

– Вот цепочка отпечатков самого Хейла, – Кэтрин повела лучом вдоль кромки просеки. – Глубина вмятины одинаковая. Расстояние между шагами ровное. Он не бежал. Не оглядывался. Не пытался отступить назад. Он просто шёл вперед, пока не остановился здесь.

– И всё? – тихо спросил Картер.

– И всё. Человек с двадцатилетним стажем работы в лесу подошёл к своему убийце вплоть и даже не попытался поднять руки.

За сигнальной лентой Билли сжала пальцами холодный край капота. Слова матери складывались в картину, от которой в груди становилось тесно. Это не было нападением бешеного медведя или стаи волков. Ни одно животное не заставит взрослого человека с ружьём и ножом замереть и послушно ждать.

Кэтрин вернулась к раскладному столу, где лежали личные вещи. Взяла прозрачный пакет с кнопочным телефоном погибшего, аккуратно отогнула край пластика и включила экран.

Дисплей вспыхнул тусклым синим светом.

– Пароля нет, – пробормотала она.

Пальцы в перчатках быстро перелистнули меню, открывая последние медиафайлы. Несколько снимков заваленной сосны, фото лесного маркера, затем – серия почти одинаковых кадров, сделанных в густой чаще.

На последнем кадре изображение было сильно увеличено. Из-за цифрового зума пиксели расплылись, превращая снимки в размытое месиво из серых и зелёных пятен.

– Он пытался что-то снять, – Кэтрин чуть прищурилась, приближая фото. – Между стволами.

– Вспышка не достала бы на такое расстояние, – заметил Харпер. – Там ничего не разобрать.

– Зато здесь есть метаданные, – Кэтрин переключила режим. – Снимок сделан в 19:11. За несколько минут до того, как его телефон зафиксировал последнюю активность.

Она заблокировала экран и положила пакет обратно на стол.

– Он слышал звук, достал телефон, попытался разглядеть объект сквозь деревья... и через семь минут был мёртв. Без единого звука. Без попытки защититься.

Кэтрин медленно сняла латексные перчатки и выбросила их в контейнер для отходов. В её взгляде, устремлённом в тёмную глубину леса за спинами полицейских, не было страха. Там застыла сухая, опасная концентрированность агента, который только что понял: они имеют дело не с аномалией природы, а с расчётливым и невероятно быстрым охотником.

Фотограф сделал последний кадр.

Вспышка взорвалась так близко к лицу Билли, что на долю секунды всё вокруг превратилось в слепящую белую стену. Билли инстинктивно прищурилась, пальцы сильнее сжали холодный металл капота.

Когда зрение вернулось, лес снова стал тёмным.

Но не совсем таким, как прежде.

Между двумя толстыми соснами, примерно в тридцати метрах от просеки, проступил тёмный силуэт. Он стоял абсолютно неподвижно, словно вырезанный из самой тени. Слишком высокий для человека. Слишком прямой и правильный по контуру, чтобы быть просто изгибом ветви.

Билли затаила дыхание.

Фигура не шевелилась. В ней не было ничего от животного – ни переминания с ноги на ногу, ни пара от дыхания в холодном воздухе. Абсолютное, мёртвое присутствие.

Билли медленно моргнула. Глаза слезились от контраста – слепящий белый свет, за которым последовала непроглядная тьма.

Когда она открыла глаза снова, между стволами ничего не было. Только мокрая кора да лапы папоротника, едва заметно качавшиеся под порывом ветра.

Кэтрин стояла у раскладного стола, со щелчком застегивая тяжелую сумку с уложенными уликами. Она не смотрела в сторону чащи, но движения её рук были слишком точными и быстрыми. За годы работы она привыкла доверять инстинктам: если на месте преступления начинает спиной ощущаться чужой взгляд – пора уходить.

– Мы закончили, – произнесла Кэтрин, обращаясь к шерифу. – Оцепление не снимать до утра. К телу никого не подпускать.

– Принято, – Картер коротко кивнул.

Кэтрин подошла к машине, жестом указав Билли на пассажирскую дверь.

В салоне машина тронулась не сразу. Кэтрин завела двигатель, включила дворники, стиравшие с лобового стекла водяную пыль, но несколько секунд просто смотрела в зеркало заднего вида.

Когда просека с полицейскими мигалками осталась позади, погрузившись в темноту, Кэтрин тихо спросила:

– Ты что-то видела?

Вопрос прозвучал настолько спокойно, что Билли не сразу поняла, насколько внимательно мать ждёт ответа.

– Да, – ответила она честно.

– Между деревьями?

Билли повернулась к матери:

– Сначала я думала, что это тень от сосны. Но стволы так не стоят.

Кэтрин молчала несколько секунд. Колёса шуршали по мокрому гравию, выхватывая из темноты фарами одинокие вехи вдоль дороги.

– Никому об этом не говори, – проговорила Кэтрин. – Ни Картеру, ни криминалистам.

– Почему?

– Потому что у них и без этого достаточно причин паниковать. А паника оставляет следы быстрее, чем преступник.

Билли откинулась на спинку сиденья и посмотрела за окно. Лес за стеклом медленно отступал, уступая место редким уличным фонарям и крышам окраинных домов Эвермора.

Но ощущение, что между стволами сосен кто-то стоял и провожал их машину взглядом, так и не исчезло.

Дело о погибшем леснике только началось. И Билли впервые осознала: то, что обитало в лесу Эвермора, не просто пряталось от полиции. Оно наблюдало за ними в ответ.

Гравий сухо зашуршал под колёсами, когда машина заехала в тупиковый проезд.

Дом встретил их глухой темнотой. В первом часу ночи белая деревянная обшивка казалась серой, а лес за задним двором высился плотной стёной – словно за время их отсутствия подобрался ещё на полшага ближе к крыльцу.

Кэтрин заглушила двигатель. В салоне мгновенно установилась тишина.

Они поднялись по ступеням. Третья доска отозвалась уже знакомым низким скрипом. Кэтрин заперла дверь на засов, проверила ручку – два быстрых, привычных движения – и сразу прошла на кухню.

У неё были свои правила. Не записанные в инструкциях ФБР, но соблюдаемые неукоснительно: после выезда на место преступления тщательно вымыть руки до локтей, убрать рабочие документы в ящик и положить личное оружие туда, откуда его можно достать за полсекунды. И только потом позволить себе выдохнуть.

– Завтра школа, Билли, – донёсся с кухни её уставший голос. – Постарайся хотя бы в первый день слиться с пейзажем.

– Мам, у меня лицо нового человека в городе на четыре тысячи жителей, – ответила Билли, подхватывая сумку. – Я сливаюсь с пейзажем, только когда сплю.

Кэтрин тихо усмехнулась – коротко, но искренне.

Билли поднялась на второй этаж. Её комната располагалась в самом конце узкого коридора – небольшая, со скатным потолком и глубокой деревянной нишей под широким окном.

Она щёлкнула выключателем. Тусклый жёлтый свет залил комнату.

На полу стояли коробки. Согласно первому правилу Кэтрин, вещи нужно было разобрать в течение недели, но сегодня у Билли не оставалось сил даже на то, чтобы достать парки. Зато на глубоком подоконнике, где лежал мягкий матрас для чтения, она заметила кое-что интересное.

На полке пылилась толстая книга в тёмном кожаном переплёте. Прежние жильцы явно забыли её вместе со старыми журналами.

Билли подошла, опустилась на матрас и подняла фолиант. Обложка пахла высушенной бумагой и чем-то тяжело-пряным. Она перелистала первые страницы – мелкий, сжатый почерк, похожий на старинные дневниковые записи. Но на одном из разворотов текст неожиданно изменился.

В самом центре страницы, выбиваясь из общего строчного ритма, крупным, въедливым жирным шрифтом повторялась одна и та же фраза:

«НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ МОЧИТЬ КРОВЬ И НЕ ДОПУСКАТЬ ВОДУ СМЕШАТЬСЯ С КРОВЬЮ»

Фраза отпечаталась на развороте трижды, словно тот, кто её писал, пытался заучить её как заклинание.

Билли перевернула страницу. В самом верху следующего листа той же тушью было выведено:

«Любовь – это не мозги, это кровь – кровь, которая кричит внутри вас, требуя своего».

По спине пробежал странный холодок. Билли нахмурилась, собираясь вчитаться в строчки подробнее...

И в этот момент боковым зрением уловила яркий свет снаружи.

Архитектура дома оказалась с подвохом: соседский коттедж стоял под углом, и его окно на втором этаже находилось буквально в пяти метрах от её собственного. Шторы там были распахнуты настежь.

Билли машинально подняла взгляд – и замерла с открытой книгой в руках.

В комнате напротив стоял парень. Высокий, чертовски привлекательный, с яркими, густыми рыжими волосами, слегка взъерошенными после душа. На нём были только домашние штаны, а через плечо переброшено полотенце. В этот самый момент он поворачивался к окну, что-то ища на столе.

И его взгляд упёрся прямо в Билли.

На секунду в воздухе нависла звенящая пауза. Парень замер, удивленно приподняв бровь.

Билли осознала мизансцену мгновенно: ночь, темнота за окном, и она – незнакомая девочка, которая сидит на подоконнике и с маньяческим видом таращится на него, сжимая в руках гигантский фолиант с записями о крови.

– Чёрт, – выдохнула Билли.

Она с грохотом захлопнула книгу, сдернула её с колен и одним резким рывком задернула плотную штору. Карниз жалобно звякнул.

Прижавшись спиной к стене рядом с окном, Билли прикрыла глаза и медленно выдохнула.

– Блестяще, Билли Кросс, – прошептала она с привычным сухим сарказмом. – День первый: осмотр места преступления, мёртвый лесник и статус местной сумасшедшей, которая подглядывает за красивыми соседями с оккультным фолиантом в руках. Просто идеальный старт.

Она выждала пару минут, пока сердце перестанет колотиться от неожиданности. За окном царила полная тишина.

Положив старую книгу на ночной столик, Билли сбросила сапоги и забралась на кровать прямо в одежде, заворачиваясь в плед. Внизу всё так же тихо поскрипывали половицы – Кэтрин разбирала рабочие документы.

Первое впечатление

Утро наступило слишком быстро и пахло тёмным обжаренным кофе.

Билли открыла глаза, несколько секунд гипнотизировала незнакомый потолок со скатом, а затем взгляд скользнул вправо – к прикроватной тумбочке, где лежала толстая книга в кожаном переплёте.

Память мгновенно восстановила хронологию вчерашнего вечера: переезд, мокрая просека, оцепление, странные жирные строки про кровь на пожелтевших страницах и...

Билли резко села на кровати и накрыла лицо ладонями.

– Господи, – простонала она в пустую комнату. – Сосед.

Воспоминание о том, как она сидела в полутьме с огромным оккультным фолиантом и в упор разглядывала высокого рыжеволосого парня без майки, с полотенцем через плечо, обжигало щёки даже сейчас. Для полного комплекта не хватало только закадрового смеха и гитарного риффа из какого-нибудь подросткового фильма 2005 года.

Полежав так еще полминуты, Билли спустила ноги на холодный деревянный пол.

Ванная оказалась напротив. Ледяная вода из-под крана быстро смыла остатки сна. В зеркале отразилось бледное лицо и светлые распущенные волосы, торчащие во все стороны. Билли осветляла их сколько себя помнила: сначала из детского желания быть точной копией матери, а потом просто привыкла. Несколько взмахов расчёской чуть утихомирили пряди, хотя одна всё равно осталась упрямо торчать у виска.

– Живи, – пробормотала Билли, бросая расчёску на раковину.

Вернувшись в комнату, она опустила перед открытой коробкой с одеждой. В ход пошёл проверенный временем любимый гардероб: короткие джинсовые шорты с потертыми, широкий коричневый кожаный ремень с массивной пряжкой, тёмные колготки в тонкую текстурную полоску и высокие коричневые сапоги на шнуровке почти до самого колена. Наверх легли серая облегающая кофта с длинными рукавами и темной окантовкой по вырезу и короткая куртка цвета хаки.

Билли остановилась перед зеркалом у двери, поправляя ремень. Образ получался в её любимом стиле – слегка небрежный, выразительный и готовый к любой погоде, если сверху натянуть куртку.

Спустившись на кухню, она застала Кэтрин в полной рабочей экипировке. Мать стояла у стойки, одной рукой держа кружку, а второй пролистывая распечатки в строгой бежевой папке. На столе уже остывала вторая кружка и тарелка с поджаренными тостами.

– Доброе утро, – пробормотала Билли, выдвигая стул.

– Доброе, – Кэтрин оторвалась от бумаг и смерила её долгим внимательным взглядом поверх очков для чтения, которые она надевала только за работой с документами.

Билли машинально взяла тост и нахмурилась:

– Что?

– Ничего. Просто проверяю, не собираешься ли ты сегодня выпрыгнуть в окно.

Билли едва не подавилась первым же куском.

– Это ещё почему?

– Потому что вчера ты задёрнула штору с таким треском, будто за окном стоял медведь-шатун, – Кэтрин слегка опустила очки на кончик носа. – Или сосед.

Билли медленно и очень тщательно прожевала тост.

– Второй вариант.

Кэтрин понимающе приподняла бровь:

– Симпатичный?

– Мам.

– Значит, симпатичный, – констатировала Кэтрин. – Он хотя бы был одет?

– Я начинаю жалеть, что вообще спустилась завтракать.

Кэтрин тихо и искренне рассмеялась – редкий, сугубо домашний звук, который Билли не слышала с самого начала этого расследования. Напряжение, висевшее между ними с момента выезда на просеку, ненадолго рассеялось.

Мать допила кофе и посмотрела на наручные часы:

– Мне пора. Шериф Картер ждёт в участке, нужно еще раз пройтись по отчётам Хейла.

– А я?

– Твой школьный автобус приедет через двенадцать минут.

Билли скривилась так, будто ей предложили проглотить лимон:

– Автобус? Жёлтый? Мам, мне семнадцать. Ездить на школьном автобусе в первый день – это официальное социальное самоубийство.

– Это бесплатно, экономит мне сорок минут и абсолютно безопасно, – спокойно отрезала Кэтрин, убирая папку в сумку. – Первое правило нашей семьи – разобрать вещи за неделю. Но есть и нулевое: практичность всегда бьёт драму.

Она подошла к дочери, на секунду сжала её плечо и уже намного мягче добавила:

– Первый день всегда кажется страшнее, чем оказывается на самом деле. Постарайся просто осмотреться.

– И не подглядывать в окна, – сухо добавила Билли.

– Именно, – улыбнулась Кэтрин у самой двери. – Дверь запири.

Когда шум мотора её машины затих на гравии, Билли осталась в тихом доме одна. Она допила кофе, натянула куртку, перекинула через плечо сумку на длинном ремне и взяла со столика ключи.

У самой двери взгляд упал на верхний край открытой коробки у лестницы. Там, среди нераспакованных мелочей, лежал яркий батончик «Geronimo».

Билли подхватила его и сунула в карман куртки.

– На случай катастрофы, – пробормотала она себе под нос.

Она заперла дверь, спустилась по деревянным ступеням крыльца и вдохнула сырой, прохладный воздух Эвермора. Пахло хвоей, мокрым асфальтом и приближающимся новым дождём.

До приезда жёлтого автобуса оставалось ровно семь минут.

Холодный влажный воздух встретил Билли у самого крыльца. Небо снова затянуло серыми облаками, а на лапах елей висели тяжелые капли ночного дождя.

Билли застегнула короткую куртку цвета хаки, поправила ремень сумки и остановилась у калитки. В этот момент забор напротив издал знакомый металлический скрип.

На улицу вышел вчерашний сосед. При дневном свете он выглядел совсем нетипично для «опасных незнакомцев»: тёмно-зелёная клетчатая рубашка поверх светлой футболки, потёртые джинсы и очки в тёмной оправе, слегка сползавшие на переносицу. Густые рыжие волосы торчали во все стороны, а за стёклами очков темнели длинные, почти девчачьи ресницы.

Он направился к обочине, где стоял старый тёмно-зелёный пикап. Машина держалась исключительно на ржавчине, честном слове и силе оптимизма своего владельца.

Кит открыл водительскую дверь. Дверная петля издала сухой, жалобный скрип.

– Не развались... – совершенно серьёзно и очень тихо попросил он пикап.

Билли невольно усмехнулась.

В этот момент за поворотом показался ярко-жёлтый нос школьного автобуса. Кит перевёл взгляд с автобуса на Билли, замер на секунду, а затем заметно оживился и поправил очки указательным пальцем.

– Эй... – немного смущённо начал он, подбегая к калитке. – Если мы всё равно едем в одну школу... могу подвезти. Если хочешь.

Он сказал это так осторожно, словно заранее был готов услышать отказ.

Билли посмотрела сначала на автобус, медленно сбавлявший ход и мигавший жёлтыми огнями, потом на пикап, у которого переднее крыло отличалось по цвету от остального кузова, а одна фара выглядела жертвой встречи с очень принципиальным деревом.

Выбор стоял между гарантированной социальной смертью в автобусе и смертью вполне физической – в этой развалюхе.

– Печка хотя бы работает? – спросила она.

– Вообще... – Кит неловко пожал плечами. – Если честно, иногда работает. Если постучать по панели.

Будто в подтверждение его слов двигатель пикапа громко затарахтел и чихнул выхлопной трубой. Кит быстро хлопнул ладонью по приборной панели:

– Не сейчас.

Пикап неожиданно притих и ровно заурчал. Кит облегчённо выдохнул:

– Видишь? Мы договорились.

Билли прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Ладно, – сказала она, перешагивая через лужу. – Но если мы заглохнем посреди дороги, я сделаю вид, что мы незнакомы.

– Правда? – Кит растерянно моргнул, будто не сразу понял, что она согласилась.

– Нет, это была очень сложная метафора.

– А... точно. Извини. Иногда я...

– Думаешь вслух?

– Да.

– Я заметила, – уголок губ Билли тронула тёплая улыбка.

Кит смущённо потёр шею и открыл перед ней пассажирскую дверь. Она отозвалась очередным драматичным скрипом.

– Обычно она звучит не настолько ужасно, – быстро произнёс он. – Хотя... нет. Именно настолько.

Билли забралась в салон. Короткие джинсовые шорты и высокие сапоги на шнуровке оказались вполне удобными для высокой подножки пикапа. Внутри пахло старой тканью, растворимым кофе и чем-то хвойным. На зеркале заднего вида болталась маленькая пластиковая фигурка лося.

Кит обошёл машину, сел за руль, пристегнулся и осторожно выехал на дорогу, пристраиваясь вслед за тронувшимся автобусом. Несколько секунд в салоне висела тишина, пока он не заговорил снова, словно вспомнил что-то важное:

– Кстати... я Кит. Кит Беннет.

– Билли Кросс.

– Я знаю.

Билли удивленно повернулась к нему. Кит мгновенно покраснел до самых корней волос:

– В смысле... мама вчера сказала, что в соседний дом переехали новые люди. А потом... ну... ты... – он отчаянно осёкся. – ...закрыла шторы со скоростью света. Я подумал, что напугал тебя. Или разозлил.

Билли прикрыла глаза ладонью, сдерживая смех:

– Ты не напугал меня, Кит.

– Правда?

– Просто застал врасплох. Ты вообще слышал о привычке задёргивать шторы, когда переодеваешься?

Кит растерянно поправил очки на носу:

– Я... честно говоря, как-то не подумал.

– Вот именно, – с сухим, но мягким сарказмом сказала она. – А потом люди удивляются, почему соседи роняют вещи и баррикадируются в комнатах.

Он виновато улыбнулся:

– Ладно. В следующий раз буду осторожнее.

– Очень надеюсь, что следующего раза не будет.

Билли на секунду прищурилась, разглядывая его профиль:

– Беннет? Надеюсь, у вас в семье нет пяти дочерей?

Кит растерянно моргнул за стёклами очков:

– Что? У меня есть только младший брат.

– Тогда всё в порядке.

Пикап катил по мокрому асфальту Эвермора. За окном проплывали серые фасады старых домов, выцветшие вывески и плотная стена елей, подступавшая к самому городу.

Именно тогда Билли заметила столб.

К тёмному, отсыревшему дереву были намертво приклеены листовки. Они висели слоями: старые, выцветшие и полуразвалившиеся от сырости бумаги проглядывали из-под совсем свежих, наклеенных прямо поверх. Город ещё не успел оплакать одних, а поверх них уже клеили новых.

«ПРОПАЛА» – выведено сверху крупным, въедливым шрифтом.

С одного из свежих снимков, заботливо запечатанного в прозрачный пластиковый файл, смотрела девятилетняя девочка. Смеющиеся глаза, светлые косички, едва заметная щербинка между передними зубами. Капли дождя медленно стекали по пластику, искажая лицо и превращая детскую улыбку в бледное, размытое пятно.

Чуть дальше – на мутном стекле автобусной остановки, на заборе, на стене закрытой лавки – эти слои бумаги повторялись. Мужчина в лесной куртке. Совсем молодой парень. И снова девочка.

Даже при дневном свете от этих мокрых столбов веяло глухим, затаённым ужасом. Эвермор не просто жил своей привычной жизнью – он был буквально заклеен лицами тех, кто однажды зашёл в лес и больше не вернулся.

Билли ничего не сказала. Она только молча отвернулась от окна и крепче сжала кулак в кармане куртки, почувствовав, как лёгкое утреннее настроение окончательно растворилось в сыром воздухе этого города.

Машина Кита заехала на парковку «Эвермор Хай», огласив окрестности громким чиханием выхлопной трубы.

За двенадцать школ Билли успела изучить школьную географию вдоль и поперёк: здания менялись, но атмосфера везде оставалась одинаковой. Двухэтажная постройка из тёмно-красного кирпича выглядела потемневшей от нескончаемых дождей. На парковке выстроились ряды помятых седанов, пикапов и пары жёлтых автобусов. Подростки кучковались под навесами, прячась от сырости в капюшонах объёмных толстовок.

Кит припарковался в сторонке и заглушил двигатель.

– Мы доехали! – торжественно объявил он, со щелчком отстёгивая ремень.

– Славо богу, – улыбнулась Билли, выбрасывая ноги из кабины. Высокие коричневые сапоги привычно ступили на мокрый асфальт.

Они вместе вошли через массивные двустворчатые двери. Внутри пахло сухой штукатуркой, влажной шерстью и свежевывытым линолеумом. Шум коридора встретил их гулким эхом хлопающих металлических дверей шкафчиков.

– Тебе сначала в администрацию, – Кит поправил очки и указал рукой влево. – Это прямо по коридору и налево. Я бы прошёл с тобой, но мне нужно сдать лабораторку по физике, пока мистер Харрис не решил, что я её сжёг.

– Всё в порядке, Кит, иди. С картами у меня порядок, – ответила Билли.

– Увидимся на перемене! – он помахал рукой и поспешил в гущу учеников, растрепанный и немного неловкий.

Билли направилась к администрации. Старый опыт подсказывал: в новый коллектив лучше заходить спокойно, уверенно и без лишней суеты.

В кабинете её встретила миссис Миллер – невысокая женщина с короткими тёмными волосами и внимательными глазами. Она выдала Билли расписание, распечатанную схему здания и новый замок для шкафчика.

– Билли Кросс, верно? – уточнила секретарь, скрепляя бумаги степлером. – Семья агента Кросс?

– Да, – коротко ответила Билли.

– Эвермор – маленький город, мисс Кросс. Новости здесь ходят быстрее, чем люди, – миссис Миллер подмигнула, но в её тоне проскользнула странная будничная серьёзность. – Смотри не заблудись.

– Я постараюсь, – Билли забрала бумаги и вышла в коридор.

Кабинет истории под номером четырнадцать был залит тусклым серым светом. За высокими окнами шуршал осенний дождь, размывая силуэты елей на школьном дворе, а внутри пахло меловой пылью, сырой шерстью и разогретым металлом.

Когда Билли толкнула тяжелую дубовую дверь, разговоры за партами стихли. Не было никакой театральной паузы – просто три десятка голов одновременно повернулись в ее сторону. Взгляды местных казались лишёнными злобы, но в них читалась тяжёлая, привычная отстранённость.

За учительским столом высокий, слегка сутулый мужчина в твидовом пиджаке возился со старым диапроектором. Раздался громкий щелчок, аппарат загудел, и на белом экране, натянутом над доской, появился яркий, чуть дрожащий квадрат жёлтого света, в котором закружились пылинки.

– А, мисс Кросс, – учитель поднял голову, поправляя очки в толстой оправе. – Проходите, занимайте свободное место во втором ряду. Вам сегодня повезло. Как раз успели к самому интересному – местной геральдике.

Билли коротко кивнула и прошла вдоль рядов. Её взгляд привычно зафиксировал расположение доски, запасной выход и свободную парту у окна.

Едва она опустила сумку и сняла куртку цвета хаки, оставшись в серой кофте, как с соседней парты донесся тихий звук. Там сидела кареглазая девушка с темными волосами, собранными в аккуратный хвост. Она с нескрываемым интересом разглядывала пока Билли шла по проходу к своему месту – без злобы, просто изучала ее массивные сапоги и кожаный ремень. Заметив ответный взгляд, девчонка едва заметно улыбнулась уголком рта и перевела взгляд на экран.

Учитель нажал на кнопку пульта. Проектор щелкнул, и на экране появилась первая черно-белая фотография. На ней возвышалась старая лесопилка 1920-х годов: мужики в клетчатых рубашках, штабели гигантских бревен и густой, почти осязаемый туман, ползущий по земле.

– Эвермор был самым обычным рабочим поселком, – заговорил учитель. Его голос – сухой, но с той особой фанатичной хрипотцой, которая бывает только у преподавателей, заик-ленных на своем предмете, – разносился по классу. – Лес, пилы, скромный быт. Пока летом двадцать седьмого года из чащи не вышли Серебристые Лисицы.

Он сменил слайд. На экране появился газетный разворот с пожелтевшим заголовком: «Эхо Эвермора», 14 августа 1927 года. На фотографии была запечатлена крупная лиса с необычно светлым, почти металлическим мехом. Она сидела на крыльце деревянного дома и смотрела прямо в объектив.

– Они не боялись людей, – продолжал мистер Уоллес, проходя вдоль первого ряда. – Не нападали, не воровали кур. Они просто выходили из леса, садились на пороги и часами смотрели в окна. А через пару недель начался «Шепот».

Билли подалась вперед, опершись подбородком на ладонь. Она с детства питала слабость к мрачному фольклору и всякой жуткой ерунде и затаила дыхание. История звучала настолько кинематографично и дико, что Билли казалось: учитель наверняка приукрашивает факты для пущего эффекта – чтобы удержать внимание класса, которому обычно подавай только драки да пожары. Но боже, как же это было атмосферно.

По классу тем временем прокатился едва слышный шуршащий вздох. Подростки вокруг явно слышали эту байку не один десяток раз. Кто-то откровенно скучал, рисовал на полях тетрадей или безучастно смотрел в окно. Для них это была просто еще одна скучная городская легенда, которую старик Уоллес смаковал с непонятным упорством.

– Из-за сложного рельефа долины, – Уоллес снова щелкнул пультом, показав фотографию сгоревшего амбара, – звуки лая, которые издавали звери, отражались от скал. Туман и эхо искажали звук, превращая его в членораздельную человеческую речь. Каждому жителю казалось, что лиса под его окном нашептывает ему самые ужасные тайны о его близких. «Твоя жена подсыпает яд в твою тарелку». «Твой брат хочет спалить твой амбар». «Твой сосед – не человек».

Слайды сменяли друг друга с сухим стуком. Чайный дым над разрушенными домами, полицейские хроники, мутные снимки улиц.

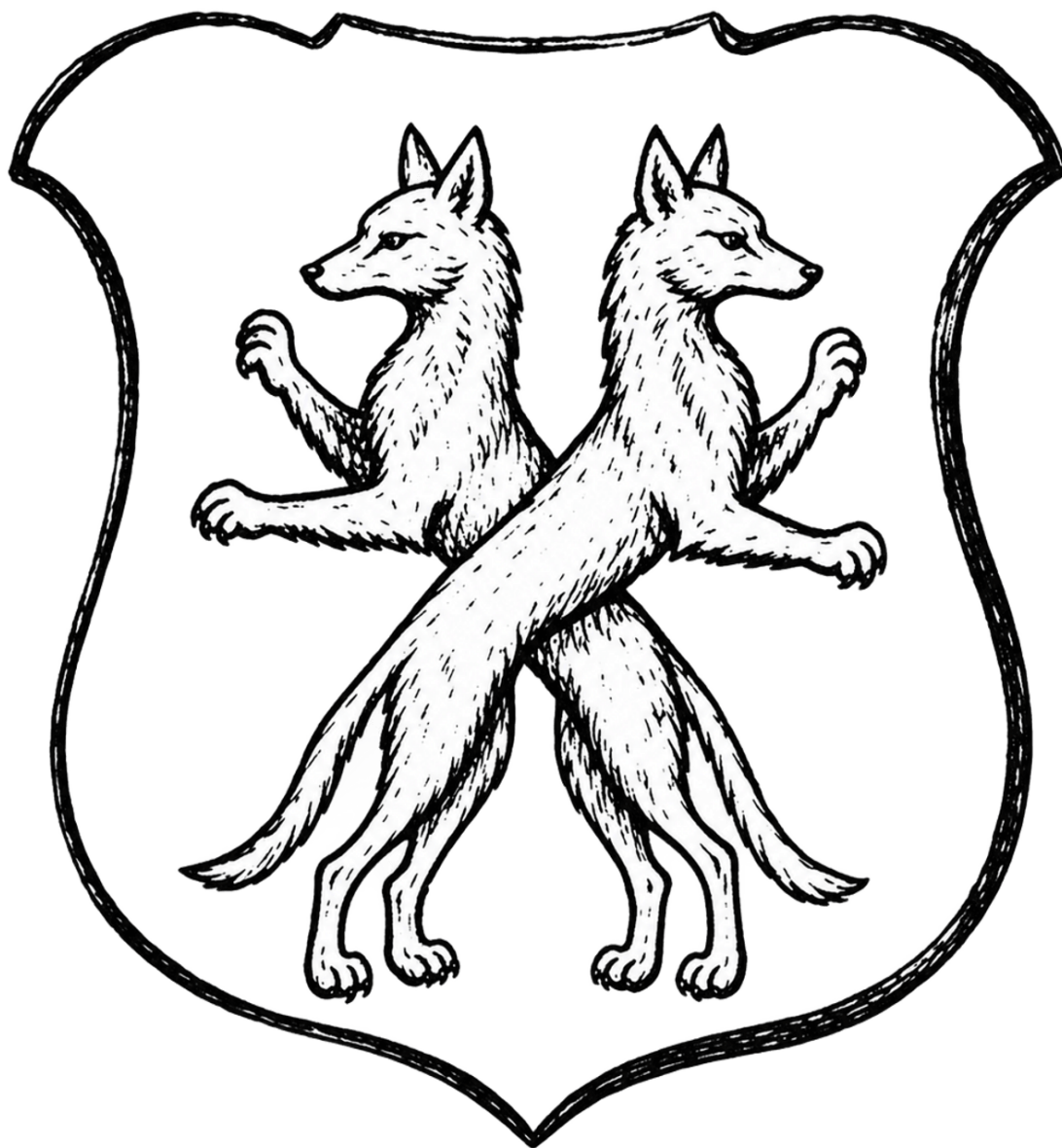
– За три месяца Эвермор сгорел в огне абсолютной паранойи, – с нескрываемым смаком произнес историк. – Мужья убивали жен, соседи устраивали самосуд, матери запирали детей в погребах, спасаясь от гипотетических монстров. Город буквально истошил сам себя. А когда из столицы штата прибыла полиция, выжившие сидели на руинах, обмотав головы грязными тряпками, лишь бы не слышать этот лай.

Билли тихо усмехнулась про себя, восхищенная масштабом этой старинной выдумки. В её голове уже вырисовывался отличный карикатурный набросок для скетчбука: сумасшедшие мужики с кастрюлями на головах и лисы с мегафонами.

– И самое интересное, – Уоллес сделал драматическую паузу, подойдя к самой доске, над которой висел деревянный герб города – две лисы, смотрящие в противоположные стороны. – Когда власти организовали отстрел и патологоанатомы вскрыли первые тушки... выяснилось, что желудки зверей были абсолютно пусты. А вместо мозга в их черепах была однородная серая жидкая масса. Никаких извилин. Никакой биологической логики.

Проектор выключился. В кабинете снова зажегся тусклый верхний свет, и магия мгновенно рассеялась.

– С тех пор, – подвел итог Уоллес, убирая пульт в карман, – лиса на нашем гербе – это не символ грации, мисс Кросс. Это символ «Проверки». Напоминание о том, что нельзя верить ни собственным ушам, ни чужим словам. Открываем тетради, записываем тему: «Экономический спад в округе после 1930 года».

За партами послышался дружный шорох страниц. Гнетущая атмосфера сказки про лису рассеялась, уступив место обычной школьной рутине.

Едва Билли успела достать тетрадь, как с соседней парты с тихим шуршанием прилетел сложенный вчетверо листок.

Билли развернула его. На клетчатой бумаге аккуратным, чуть наклонным почерком было выведено:

«Он показывает это слайд-шоу каждому новенькому. По-моему, Уоллес сам до смерти боится этих лис. Кстати, я Эмма. Привет».

Билли тихо хмыкнула, перевернула листок и быстро написала на обороте:

«Билли. А вообще история жутко крутая. На моменте про кисель вместо мозга я прямо прониклась».

Она загнула уголок и аккуратным щелчком отправила бумажку обратно через проход.

Эмма подхватила ее, развернула, и ее карие глаза мгновенно потеплели. Она уткнулась носом в сгиб локтя, чтобы сдерживать смех, а затем наклонилась чуть ближе к Билли, пока учитель выводил на доске даты:

– Серьезно? На тебя это не произвело впечатления? – вполголоса спросила Эмма. – Наш прошлый новенький после этой лекции ещё неделю с опаской обходил кусты.

– Моя мама работает в органах, – так же тихо ответила Билли, рисуя букву на полях. – Я видела вещи и пострашнее сумасшедших лис. Хотя кисель в черепе – отличная деталь. Очень живописно.

– Уоллес у нас вообще мастер драмы, – улыбнулась Эмма. – Но ты с ним осторожнее, если начнёт предлагать экскурсию в школьный архив. По-моему, он там и ночует.

– Запомню.

– Если что-то будет непонятно с кабинетами или в расписании всплывёт бред – спрашивай, – добавила Эмма, снизив тон. – У нас тут здание строили явно без особого плана, с непривычки легко повернуть не туда.

– Спасибо, – Билли взглянула на неё с искренней благодарностью. – Похоже, помощь мне правда пригодится.

В этот момент с задних парт донёсся тихий, отчётливо-наигранный смешок.

Билли не стала резко оборачиваться, а просто скользнула взглядом по диагонали. Там сидели три девушки. В центре сидела блондинка. Ее светлые волосы были собраны в высокий хвост, а лицо обрамляла густая челка. На ней были расклешенные джинсы с заниженной талией, короткий белый топ и надетый поверх дорогой светлый кардиган. Повесив на спинку стула массивную сумку с заклепками, она о чем-то шепталась с подругой, не сводя с Билли холодного, липкого взгляда. Взгляд блондинки медленно скользнул по подвернутым шортам Билли, колготкам и высоким сапогам на шнуровке, после чего на ее губах появилась ленивая пренебрежительная ухмылка.

Билли встретила этот осмотр спокойным, непроницаемым взглядом – тем самым, которому научилась у матери, когда та осматривала место происшествия. Ни смущения, ни раздражения. Просто сухая констатация факта.

– Сзади – Регина, – тихо проговорила Эмма, строго глядя в свою тетрадь. – Регина Хейл. Местная достопримечательность с завышенной самооценкой. Смотрит на всех новеньких так, будто проверяет документы на въезде. Не бери в голову.

– У нее уйдет на это много времени, – сухо заметила Билли, слегка повернув голову в сторону Регины и встретившись с ней взглядом. – Я плохо поддаюсь досмотру.

Звонок с урока прозвенел ровно через сорок минут. Класс мгновенно зашумел, стулья заскрипели по линолеуму, и Билли начала неторопливо собирать вещи.

Билли вышла в коридор и практически сразу столкнулась с Китом. Он стоял у стены, слегка запыхавшись, и с победным видом застёгивал молнию на рюкзаке.

– Сдал? – спросила Билли, поправляя ремень своей сумки.

– В последний момент, – Кит поправил очки на носу и облегченно вздохнул. – Мистер Харрис уже заносил ручку над журналом, но я успел применить своё главное оружие – отчаянный вид. Куда тебе дальше?

– Биология. Кабинет двадцать семь.

– Это в северном крыле, нам по пути, – улыбнулся Кит. – Пошли, а то там миссис Торн, она опозданий не прощает.

Они двинулись по коридору. Школьный гул между уроками стоял привычный: хлопали металлические дверцы шкафчиков, кто-то спорил из-за конспектов, у окна группа старшеклассников громко обсуждала выходные. Обычная суета, к которой Билли привыкла за годы постоянных переездов.

И именно поэтому она сразу заметила, как изменился этот шум.

Звук не исчез полностью – он просто просел, словно кто-то резко приглушил громкость на приёмнике. Разговоры у лестницы стихли, девушка у шкафчика застыла с полуоткрытой дверцей, а двое парней у окна почти синхронно повернули головы.

Из дверей учительской вышел парень и неторопливо пошёл по коридору.

Он обладал тем редким, мощным телосложением, которое обычно отличает выдающихся атлетов. Черная облегающая футболка и простые джинсы только подчеркивали его высокий рост, широкие плечи и разворот груди. Черты лица казались высеченными из камня: выразительный подбородок, темные вьющиеся волосы. Но, несмотря на внушительную комплекцию, двигался он удивительно плавно, без малейшей тяжести или демонстративной развязности.

Пока он шёл по коридору, Билли заметила странную деталь. Его манера держаться слегка менялась буквально на каждом шагу, мимолётно подстраиваясь под каждого, кто оказывался рядом. Проходившему мимо учителю он едва заметно, случайно и очень сдержанно кивнул, мгновенно вызвав одобрительную улыбку. Заметив двух старшеклассников, слегка расслабил плечи, переходя на понятный им, равный шаг. Девушке, случайно уронившей тетрадь у шкафчика, он подарил ту самую лёгкую, открытую полуулыбку, от которой та мгновенно залилась румянцем.

Это происходило естественным образом, без единой наигранной ноты. Он словно за доли секунды улавливал точно то, чего от него ждали окружающие, и без усилий становился этим идеальным откликом.

Пока его взгляд не скользнул по Билли.

Он на ходу привычно калибровал реакцию: ожидал смущённого ухода глаз, резкого поворота головы, учатившегося дыхания или лёгкой суеты, за которую можно было зацепить нужную интонацию.

Но Билли не сделала ничего из этого.

Она не отвела глаз, не выпрямилась нервно и не попыталась поправить одежду. Дочь агента ФБР просто стояла рядом с Китом в своих коротких шортах и высоких сапогах, сцепив пальцы на ремне сумки, и разглядывала его с сухим, спокойным и абсолютно нечитаемым детективным любопытством.

Её реакция не подошла ни под один привычный сценарий.

Их глаза встретились буквально на две секунды. На идеальном, безупречно контролируемом лице парня впервые проступила едва заметная пауза – тонкая, едва уловимая тень искреннего замешательства.

А затем он прошёл мимо, и коридор снова наполнился привычным шумом.

– Кто это? – тихо спросила Билли.

Кит на секунду задержал взгляд на уходящей фигуре и едва заметно отвёл глаза:

– Синклер. Мейсон Синклер.

– У вас тут все так на него смотрят?

– Почти, – Кит поправил очки и отпёр тяжёлую дверь. – Синклеры держатся обособленно.

О них... ну, о них не особенно любят болтать.

– Потому что богатые или потому что странные?

– И то, и другое, – честно ответил Кит.

Кабинет биологии пах формалином, старой бумагой и влажной землёй из горшков с папоротниками. Билли села за вторую парту у окна. Кит устроился через ряд от неё.

Звонок прозвенел через две минуты. Дверь кабинета открылась без стука, когда перекличка уже подходила к концу.

– Простите за задержку, миссис Торн, – раздался спокойный бархатный голос.

Мейсон Синклер стоял в дверях. Учительница лишь коротко кивнула, даже не сделав замечания:

– Проходи, Мейсон. Занимай свободное место.

Мейсон быстро окинул взглядом класс. Увидев свободный стул рядом с Билли, он уверенно направился к ней.

Он остановился у парты, оперся рукой о спинку стула и выдал ту самую легкую, обаятельную улыбку, которая, видимо, открывала перед ним все двери в этой школе.

– Не против, если я спасу тебя от удушающего одиночества? – негромко спросил он.

Билли оторвалась от тетради и спокойно посмотрела на него.

– А кто сказал, что меня нужно спасать?

Уголок его губ дрогнул. Мейсон явно не привык, что его коронное «я вас спасу» не срабатывает, но все же отодвинул стул и сел.

– Я просто делаю доброе дело как гостеприимный местный житель, – он пожал плечами, переходя на более простой и дружелюбный тон. – Я Мейсон.

– Билли, – она защелкнула колпачок ручки. – Но раз уж ты местный, то наверняка в курсе. Кажется, у вас новости распространяются быстрее, чем работает Wi-Fi.

Мейсон тихо рассмеялся. Звук оказался на удивление искренним. Билли вдруг поймала себя на странной мысли: от него совершенно ничем не пахло. Ни парфюмом, ни дезодорантом, ни даже теплом человеческого тела. Только колючей морозной свежестью, словно он только что зашел с улицы в разгар зимы.

– Признаю, приезд дочери агента ФБР – это событие для Эвермора, – сказал он, с любопытством глядя на нее своими светлыми ореховыми глазами. – Обычно мы тут обсуждаем только погоду и сырость. И как тебе наш город? Уже захотелось сбежать?

– Пока держусь, – Билли чуть улыбнулась уголком губ, с легким сарказмом отбивая подачу. – У вас тут красивый лес. И туман очень кинематографичный. Прямо декорации для триллера.

Мейсон на секунду прищурился. Его расслабленная поза осталась прежней, но в голосе проскользнула странная, напряженная серьезность.

– С лесом лучше поосторожнее. Городским там слишком легко заблудиться.

Билли подперла подбородок рукой, всем своим видом показывая, что ее не так-то просто впечатлить местными страшилками.

– Если что, я тебя позову, – поддразнила она. – Ты же у нас эксперт по спасению заблудших душ.

Мейсон на пару секунд завис. Его внутренний сканер, который обычно подсказывал, как себя вести, чтобы понравиться собеседнику, сейчас выдавал сплошные ошибки. Девчонка напротив не тушевалась, не хлопала ресницами и не пыталась казаться милой – она просто подшучивала над ним.

И вместо привычной скуки Мейсон вдруг почувствовал искренний, живой азарт.

Он тихо хмыкнул, признавая ее маленькую победу, и открыл учебник. Оставшуюся часть урока они просидели в тишине, но Билли физически ощущала на себе его задумчивый взгляд.

Едва прозвенел звонок на обед, Мейсон встал, бросил на неё короткий взгляд и с легкой полуулыбкой вышел из кабинета первым.

* * *

Школьная столовая «Эвермор Хай» встречала гулом сотен голосов, стуком пластиковых подносов и пряным запахом горячей запеканки. Через запотевшие от сырости двухъярусные окна с трудом пробивался серый дневной свет. Дождь снаружи размывал очертания елей, а под высоким потолком вибрировали старые лампы, отбрасывая блеклые блики на длинные ряды столов, сплошь покрытых вырезанными инициалами учеников.

Билли забрала свой поднос и оглядела зал. У окна, втянув голову в плечи и сдвинув очки на кончик носа, сидел Кит – он один занимал крайний столик, увлечённо глядя в экран телефона и не замечая суеты вокруг.

Билли уже направлялась в его сторону, когда из-за высокого вазона с искусственным папоротником вывернула Регина. Поправляя на плече массивную сумку, она шла рядом с подругой, что-то весело рассказывая, но, сровнявшись с Билли, как бы невзначай выдвинула носок кеда чуть в сторону.

Движение было быстрой и точной подножкой.

Билли сильно зацепилась, поднос вырвался из рук и с грохотом полетел на линолеум. Тарелка разлетелась, пластиковый стакан покатился по полу, а сама Билли, теряя равновесие, с размаху ударилась коленом о металлическую ножку соседнего стола.

Глухой удар отозвался острой болью. Капроновые колготки на колене порвались, и на коже проступила тонкая красная капля.

Чу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.